

Первая несправедливость

Мне кажется, что человек из всех обид больше всего воспринимает несправедливость. Особенно в детстве.

Я жила в нормальной семье, особых детских обид не испытывала. Ну там, казалось временами, что мама больше любит папу, чем меня... Потому, что на мои многочисленные вопросы мама отвечала: «Отстань!» Конечно, обо мне заботились, только никто особо не заставлял есть.

В четыре годика, после перенесённого вирусного гриппа, я стала плохо видеть – получила осложнение на глаза. Родители заметили это не сразу, прошло пару лет, пока обратили внимание на то, что я не вижу мелких предметов. Стали водить по врачам. Мне запомнилась большая чёрная комната, в которой жили зеркала, специальные линейки со стёклами. И мне было неприятно смотреть через эти стёкла линейек доктору «на ушко», потому, что зеркало, надетое на лоб, слепило мне глаза!

Нежинские наши врачи поставили сложный диагноз, велели носить очки и закрывать одно стекло наклейкой, чтобы заставлять работать тот глаз, который хуже видел и ленился трудиться. Как же это было тяжело и неудобно! Маленькой и внешне хорошенькой девочке надели уродливые очки. И моментально мальчишки во дворе и в классе стали дразниться: «одноглазый очкарик», «четырёхглазая»... Я плакала, а родители объясняли, что если не носить штору-заклейку на очках, то слабый глаз начёт косить... И тогда, говорила мама, будут дразнить ещё обиднее – «косоглазая»...

Сказать, что я не понимала нельзя. Понимала. Но детская сила воли была мала – согласно возрасту... Стоило мне выйти из дома, я снимала очки и прятала их в портфель. Мне не хотелось слышать обидные клички. Да и смотреть более сильным глазом было удобнее... Приходя же из школы, я вынуждена была надевать очки, чтобы меня не ругали, и всё время норовила подсматривать из-за заклеенного стекла...

В конце концов, с помощью маминой сестры Сонечки, родители нашли в Киеве клинику ОХМаДет. Там работала большой специалист-офтальмолог профессор Надежда Исааковна Пильман. С большими трудностями устроили меня к ней на длительное лечение. Курс длился год – три недели в больнице, две недели дома. Я была счастлива тем, что Надежда

Исааковна отменила ненавистную «заклейку»! Она назначила комплексное лечение...

Запомнились палаты, где лежали дети разных возрастов, многим делали операции. А со мною работали на специальном оборудовании. Я рисовала, обводила по памяти контуры, мне засвечивали зрачок лазерным лучом... Конечно, было и медикаментозное лечение.

Какой там был порядок! Вновь поступившие детки проходили через изолятор – несколько двухместных палат в отдалённом крыле.

Как-то я в очередной раз «поступила» и поселилась на пару дней в изолятор. А там, о, чудо - художник разрисовывал яркими масляными красками стены – срисовывал картинки из книги. Позже я увидела, что во всех палатах появились картинки из сказок. А тогда я, как зачарованная, смотрела, как седовласый художник переносит картинку на стену... В нашем изоляторе во всю стену раскинулось пшеничное поле, в пшенице сидела большая, словно живая, ласточка. Из её глазика сбегала слеза... А Дюймовочка в ярком сарафане и белом чепчике гладила ласточку по голове...

Мы с девочкой-соседкой следили за таинством работы, и я не заметила, как уснула, вспоминая сказку... Проснувшись от громкого крика:

- Ах, ты, бессовестная! Как ты посмела испортить рисунок??? – орала бешеным голосом медсестра, такая дылда выросла дурная! Сейчас же идём к заведующей!

Я спросонья увидела только, что чёрная краска крылышек ласточки размазана по стене пальцами...

- Это не я! Я спала, когда он рисовал! – заплакала я от обиды. Потому, что не видела, когда ушёл художник, кто размазал ласточкины крылышки...

- Это точно она! – ревела я, показывая на соседку по палате. Для меня это стало мгновенно понятно, ведь мы были с ней вдвоём, а я спала!

- Нет! Это она! Она! Я видела! – нагло врала девочка, чуть старше меня по возрасту. Она защищалась от гневного крика. А меня оклеветала!!!

Меня, рыдающую, повели к Надежде Исааковне на разборку. Понятно, я стояла на своём! Но позвонили маминой сестре Сонечке, и она тут же приехала, тоже стала ругать меня... Как сейчас помню – я клялась тёте, что девчонка меня оболгала! Она вроде бы и поверила, но деньги за испорченный рисунок ей пришлось заплатить...

Конечно, Сонечка позвонила маме в Нежин. Мама приехала и вернула сестре деньги – с неё взяли много, а лишних денег у Сони никогда не водилось...

Мама мне не поверила! Обозвала «провинциальной темнотой», припугнула, что могут выписать и не станут больше лечить. А к тому времени уже наметился солидный прогресс в выздоровлении глаза...

Большей несправедливости пока ещё в моей жизни не было! Меня, хорошую девочку, отличницу-четвертоклассницу, сделали в тесном больничном кругу лечащихся детей виновницей и глупой провинциалкой!

Ещё и за общим обедом в столовой выстыдили, когда все усердно уплетали еду...

Тут уже моё обиженное сердечко чуть не лопнуло от стыда и взорвалось! Я вылетела из-за своего столика, и, словно коршун вцепилась в волосы обидчице, сидевшей неподалёку – её звали Тамара...

Я таскала её по полу за косы, плакала при этом от боли и обиды, и кричала:

- Чтоб не врала на меня! Чтоб не врала! Признавайся, это ты размазала ласточку!

Всё случилось так молниеносно, что пока подбежали медсёстры, я уже успела хорошенько поддать этой врухе.

- Успокойся, Мила! Мы тебе поверили! Не трогай её! – отодрали меня от девчонки. И! Заставили! Тамару! Сказать мне: «Извини меня!» Видимо, ярость моя была такой убедительной, что уже не осталось сомнений, кто же на самом деле был тогда виноват...

А дальше меня зауважали все взрослые... Они шептались у меня за спиной, показывая друг другу девочку, которая отстаивала себя впервые в жизни, среди чужих людей, и победила!

Хорошие врачи работали тогда в отделении. Их уже давно нет. Я благодарна всем им за лечение, за то, что очки надела с возрастными показаниями после сорока. А в детстве, после того замечательного лечения, мне разрешили их снять вообще! И никто больше не дразнился «очкарик» или «четырёхглазая»...